

Посвящается моей маме

Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее.

Д. Китс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Кто-то щелкнул пальцами, и я распахнула глаза. В ту же секунду на меня обрушились вокзальные шумы: рокот голосов, стук колес чемоданов...

Я взглянула на вагон, откуда только что вышла, затем посмотрела по сторонам и вверх. Темно-синий полукруглый навес казался черным, по нему барабанили капли дождя. Я снова растерянно осмотрелась и отступила, освобождая место новым пассажирам. Все куда-то спешили, толкались, опаздывали, встречали семью, знакомых, друзей, и только я не двигалась, застыв молчаливым истуканом.

Так, пора что-то делать.

Я сжала висящую на плече сумку и направилась к двустворчатым дверям высотой с три человеческих роста. Выйдя с вокзала, я снова остановилась и осмотрелась. Отчего-то сердце пропустило удар и забилось сильнее, будто я переступила порог новой реальности.

Я напомнила себе, что надо что-то делать, и решительно направилась через дорогу к стройному ряду такси. Ботинки то и дело попадали в лужи, в которых отражалось хмурое небо, ветер трепал волосы, собранные в хвост.

Я хоть жива-то? Мысль была странной. Я чувствовала, что существую, что мышцы работают, легкие наполняются холодным воздухом. И все же ощущение было таким, будто я где-то под землей, где-то в вымышленном мире, где костлявые ветви деревьев схватили за горло и душат.

Я буквально подбежала к ближайшему такси. Назвала водителю адрес, запрыгнув на заднее сиденье, нервно

сжала пальцы на коленях. Вот тут-то беспокойные мысли вновь одолели меня.

Я подумала о маме и о том, почему она ни с того ни с сего, ничего со мной не обсудив, просто собрала мой чемодан, выставила за порог и отправила в этот город. Я покопалась в памяти, припоминая цепь событий, которые привели меня в Эттон-Крик, но странное дело, хоть все и случилось считанные часы назад, воспоминания казались такими далекими.

— Мисс, а кем вы приходитеесь Харрингтонам?

Я подняла голову и наткнулась на любопытный взгляд водителя в зеркало заднего вида. Странно, что этот тип знает, к кому я направляюсь, будто Харрингтоны — это какая-то местная знаменитость. Они, говорила мама, ее младшие сводные братья. Не представляю, с какой стати они вдруг решили приютить меня. Я никогда не слышала их имен, не видела фотографий, да и вообще не подозревала об их существовании.

— Никем, — в итоге заключила я, прислонившись лбом к запотевшему стеклу. Ощущая кожей стужу, несвойственную сентябрю, я пристально всматривалась в Эттон-Крик за окном, где все казалось бесцветным, как густой туман: и небольшие кубические многоэтажки, соседствующие с готическими зданиями; и главная площадь Вирхов, через которую мы проехали; и люди в коричневых и желтых дождевиках с черными зонтами; и внушительные здания университета; и небольшие уютные магазинчики и кафе, манящие прохожих.

Время затянулось.

Я засмотрелась на Эттон-Крик из параллельного мира: на его темный цвет, серость и слякоть, на его *непохожесть на другие города*, поэтому не заметила, когда машина остановилась. Водитель объявил, что мы приехали, я расплатилась и, схватив сумку, нехотя выбралась из уютного салона. Подошвы ботинок во второй раз ступили в вязкую грязь, в нос ударили запахи хвои и дождя.

Особняк Харрингтонов оказался вдвое старше и больше моего дома. Он навис надо мной, поросший плющом,

угрожая раздавить. Сквозь высокие кованые ворота виднелась дорожка из гравия. Извиваясь змеей, она вела сквозь траву и кустарник к мраморной лестнице, которая поднималась полукругом к высоким дубовым дверям.

Отчего-то мне стало не по себе, и я обернулась к такси, готовая запрыгнуть назад и приказать, чтобы водитель увез меня за сотни миль от этого места, но машины и след простыл.

Впрочем это был секундный порыв. *Я бы никогда не сбежала.*

Вместо этого я закинула сумку на плечо и подошла к ржавой калитке. Влажные стебли травы хлестали по лодыжкам и коленям, под ногами скрипнул гравий. Я вошла во двор и медленно направилась к двери. Дом, казалось, внимательно следил за мной, зловеще говоря: *«Тебе не уйти, Кая Айрленд»*, — и у меня действительно появилось предчувствие, что назад пути нет.

Я прогнала дурные мысли и ступила под изящный полукруглый навес с фонарем, и когда занесла руку, чтобы постучать, дверь внезапно распахнулась. На пороге, суетясь, появился высокий молодой человек с зонтом. Он изумленно вытаращился на меня, пролепетав:

— П-п-привет!

Я стряхнула со лба дождевые капли и уже собралась поздороваться, но в живых глазах мужчины одновременно отразились испуг, понимание и вина, а затем он схватил меня за локоть и втащил в дом. За спиной захлопнулась дверь, отрезав меня от остального мира, сумка с плеча оказалась в руках незнакомца, а на моей голове очутилось белоснежное полотенце, пахнущее порошком и ванилью.

Я догадалась, что это Дориан Харрингтон (старший мамин сводный брат). Он щелкнул выключателем, и прихожая, и без того мрачная, будто старинная фотография, стала мрачнее из-за тусклого света люстры.

Я накрыла полотенцем шею, собираясь представиться и поблагодарить за заботу, но Дориан не дал мне и рта раскрыть:

— Прости! — Явно нервничая, он крепче сжал на своем плече мою сумку, а в другой руке зонтик. — Я действительно виноват, забыл, что ты приезжаешь именно сегодня! Господи ты боже мой, и твои вещи уже в комнате! Ты ведь Кая Айрленд? — поспешно уточнил он на всякий случай, и когда я кивнула, тоже кивнул, продолжая: — Моя смена в морге затянулась, поэтому я проспал, а теперь опаздываю...

Я украдкой бросила взгляд в сторону кухни, которая находилась за лестницей, ведущей наверх. Из-за прикрытой двери лился яркий свет и доносился приятный аромат свежей выпечки. А еще чувствовался тяжелый запах книг и кардамона.

— Кая.

Я посмотрела на Дориана и отметила, что глаза у него добрые и полны сочувствия. Я поняла, что он ждет какой-нибудь реакции, поэтому сказала:

— Ничего, ты и не должен был меня встречать.

В этот раз я не стала смотреть по сторонам, чтобы он не думал, что я избегаю его взгляда, и молодое лицо как по волшебству разгладилось, нервная морщинка между бровей исчезла, на губах появилась спокойная улыбка. Дориан отставил зонтик к стене и, ненавязчиво взяв меня под локоть, повел в глубь дома.

Дориан Харрингтон работал в городском морге и преподавал медицинскую биологию в университете. Он не выглядел как типичный преподаватель, но и на студента не смахивал. У него были ясный, живой взгляд, модная прическа и легкая щетина, в то же время он обладал своеобразной аурой волевого человека, и это отчетливо ощущалось даже через прикосновение.

— Я ожидал, что ты так ответишь, Кая, — произнес он, — но мне действительно жаль, что тебе пришлось добираться до особняка в одиночестве. Меньше всего мне хотелось, чтобы ты думала, что тебе здесь не рады.

Мы сделали несколько шагов, и, остановившись у лестницы, Дориан выпустил меня. Сквозь старые прямоугольные окна высотой с человеческий рост, закрытые белыми

занавесками, проникал серый свет со двора. Голова кружилась, да и от виноватого лица Дориана Харрингтона было не по себе.

Я пояснила:

— Я не думаю, что мне здесь не рады. — И добавила, видя, что мои слова его не убедили: — Не беспокойся. Ты и не должен был меня встречать. Чудный запах. Это корица?

После каждого слова я ненароком смотрела по сторонам, отмечая детали прихожей: позади лестница, слева тумбочка из вишневого дерева, на которой стоял старый телефон, рядом часы с кукушкой. Стрелки показывали пятнадцать тридцать. А казалось, будто раннее утро.

— Почему? — Дориан, пока я осматривалась, смотрел только на меня.

— Почему *что*? — Я с трудом оторвала взгляд от гостиной, куда вела и белоснежная арка и небольшая деревянная лесенка. Громадное окно выходило прямо на задний двор, за которым начинался густой зеленый лес. Дориан коснулся моего локтя, привлекая внимание, и я качнула головой: — Прости. Никогда не была такой рассеянной.

— Почему ты думаешь, что я не должен был тебя встречать? — спросил Дориан, проницательно глядя на меня. — Поверь мне, Кая, твой приезд — это целое событие. Можно даже сказать праздник. Ной, кстати, испек прекрасное печенье! Хотя он его печет всегда, такое уж у него хобби. Это, имея в виду, не отменяет того, что мы действительно рады твоему переезду в Эттон-Крик...

Я была обескуражена и не знала, что ответить. Позже Дориан поймет, что дело не в нем, не в доме, не в Эттон-Крик и не в том, что я злюсь. Я просто молчу, вот и все. *И разве он не опаздывает на работу?*

— Я опаздываю! — воскликнул он будто в ответ на мои мысли, а затем снова схватил меня за руку и повел в кухню. — Так, еще секунда! Познакомлю тебя с Ноем и тут же испарюсь! Просто не хочу, чтобы он испортил о нас общее впечатление... А он это может, уж поверь мне...

Ной Харрингтон оказался очень высоким парнем ненамного старше меня. Из-за болезненной бледности он вы-

глядел худым и нескладным, с длинными руками и ногами. Растянутая футболка на три размера больше только подчеркивала эту худобу, делая его хрупким на вид. Чудаковатый образ довершали парусиновые шорты синего цвета с крошечными изображениями бананов, две пары шерстяных носков и домашние тапки-собаки.

Когда он обернулся, я увидела, что его узкое лицо и даже кончики светлых волос, отливающих медью, перемазаны в муке. Его руки тоже были испачканы, но это не помешало ему распахнуть объятия, будто в ожидании, что я или Дориан (или мы вдвоем) бросимся навстречу. Когда мы не сдвинулись с места, Ной не огорчился, улыбнувшись мне:

— Привет-привет, солнышко!

— Привет.

Судя по тому, как парень поменялся в лице, Дориан за моей спиной сделал младшему брату знак вести себя сдержаннее. Кашлянув, Ной облокотился на столешницу и с вежливым любопытством осведомился:

— Плохое настроение? — Я не ответила, и на его щеках появились ямочки. — Ты, наверное, ненавидишь всех вокруг, потому что пришлось переехать в этот адски дряхлый дом, быть запертой здесь как в... — Он резко замолчал, глянув за мое плечо. Мне очень хотелось обернуться и посмотреть, что там делает Дориан. — Э-э... ладно. В общем, приятно тебе провести время.

Ной вернулся к своим делам, а я еще несколько секунд ошеломленно смотрела ему в спину и только потом вышла в коридор. Дориан последовал за мной, злобное выражение его лица сменилось на заботливое.

— Теперь понимаешь, о чем я, да? Этот парень с приветом. Абсолютно чокнутый.

— Ничего, — сказала я, останавливаясь у лестницы. Над нами мигнул верхний свет. — Не покажешь, где моя комната?

— О да, конечно. Это наверху, идем. Будь осторожна, здесь высокие ступени.

— Спасибо.

Когда мы поднимались на второй этаж, я заметила на стенах картины и снова подумала о маме. Полотна были уродливыми, так что ей бы точно пришлись по душе.

— Не обращай на него внимания, — мягко попросил Дориан, кинув на меня взгляд через плечо. — Я всегда так делаю, когда Ной начинает молоть чушь. Просто пропусти мимо ушей. Я поговорю с ним.

Я бы сказала, что не стоит этого делать, но решила, что Дориан станет меня переубеждать и наступит новая тяжелая пауза. Рассудив, что надо быть милее, раз он так добр ко мне, я прочистила горло и сказала:

— Спасибо... что проводил.

— Не за что, Кая, я тебя прекрасно понимаю и могу представить, как тебе сложно. Я сам... — Дориан смешался, но тут же воодушевленно продолжил: — И к Ною ты привыкнешь. Он кажется чуточку странным, но на самом деле не доставит тебе проблем...

Я согласно кивала, стараясь высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться.

На втором этаже Дориан и я остановились у одной из дверей.

— Надеюсь, тебе здесь понравится... Перед твоим приездом я прогнал всех клопов и... Я шучу, Кая, здесь не было клопов. А даже если бы были, думаю, увидев твой смертоносный взгляд, они разбежались бы во все стороны, — добавил он тихо, открывая дверь.

Я переступила с ноги на ногу и удивленно открыла рот, потому что та комната, которую Дориан показывал, была *моей* комнатой. Точнее, она была *почти* такой же, как дома: белоснежный потолок, серебристые обои на стенах, огромная кровать с фиолетовым покрывалом у окна. Мои вещи были заперты в чемодане, стоящем у письменного стола.

— Мы знали: в первые дни будет сложно, поэтому Ной решил, что *это* тебе как-то поможет.

— Не знаю, что сказать. Спасибо.

— Для начала достаточно и этого, Кая. — Дориан улыбнулся. Я отметила, что улыбка не была веселой, а скорее

сочувственной. Во взгляде читалось: *мне жаль, что все случилось именно так*. — Ну, все, — сказал он, решительно снимая с плеча мою сумку и вручая мне. — Ни о чем больше не думай. Кстати, ужин в семь.

Я кивнула, вошла в свою — не свою комнату и заперла дверь. Несколько секунд смотрела в пустоту, затем приоткрыла дверь и подошла к кровати. Окинула ее взглядом. *Очень странно*. Это моя кровать. В моей комнате стоит точно такая же: из вишневого дерева, с резной спинкой и *этим* покрывалом. До того, как уехать в Хейденский университет, я спала в *этой* кровати. И когда возвращалась домой, мама готовила ужин, а я забиралась под *это* покрывало и понимала, что наконец-то дома.

Я посмотрела в окно и увидела вместо привычной светлой улицы лес. Сумка упала к ногам, когда пальцы безвольно разжались.

Это больше не моя комната. Больше не мой дом.

С наступлением темноты мне пришлось спуститься вниз и встретиться лицом к лицу с новой реальностью. Дориан был мил; он сменил темно-серый костюм-тройку на домашние джинсы и свитер и даже побрился. Ной остался в своих ужасных шортах, носках и тапках-собаках. Я видела его худые ключицы сквозь растянутую футболку, а он видел мои сквозь темно-синюю блузку, подаренную мамой на прошлый день рождения, и нещадно пялился на мои плечи, даже когда я несколько раз демонстративно кашлянула.

Когда я только вошла в столовую, где был настолько тусклый свет, что у меня сразу же устали глаза, Ной оценил меня беглым взглядом и сказал:

- Приделалась для ужина?
- О чем ты?

Дориан нервно посмотрел на брата, но мы с Ноем глядели исключительно друг на друга. Игра в гляделки длилась до тех пор, пока Ной не отмер и не улыбнулся одними

губами. Когда он взял мою тарелку и, накладывая жареного цыпленка, вежливо ответил, что речь идет о моей одежде, я поняла, что младший Харрингтон так легко не сдается.

— А что с ней? — спросила я, принимая блюдо и притворяясь, что с аппетитом отламываю кусочек хлеба. На самом деле аппетит, который только-только начал просыпаться, пропал.

— Мне казалось, что твой стиль заключается в растянутых свитерах, штанах и кожаных куртках.

— По крайней мере у меня есть вкус к носкам. Так кем вы все-таки приходите к моей матери? Почему я никогда о вас не слышала?

Ной с Дорианом переглянулись, и я, заметив это, нахмурилась.

— Почему ты никогда не слышала о нас? — переспросил Дориан, делая огромный глоток воды, чтобы оттянуть время и не отвечать на мой вопрос. Он косо глянул на младшего брата, и тот незамедлительно пришел на помощь:

— Наши семьи не общались уже лет сто.

— Тогда почему вы предложили мне жить в вашем доме?

— Ну... это была идея Ноя. — Дориан закашлялся и положил руку на горло. Я взяла графин с водой, вновь наполнила его стакан и подождала, пока он напьется. — Это не я придумал, а Ной. Он предложил твоей матери, чтобы ты осталась в Эттон-Крик у нас, и она не смогла отказаться.

Эта новость меня удивила, и я посмотрела на Ноя. В качестве подтверждения он рассеянно кивнул, занятый вишневым вареньем. Я отвернулась, не желая видеть, как на столешницу сыпятся крошки.

Несколько минут прошли в полной тишине. Ной был занят печеньем, Дориан и я отдали предпочтение салату и мясу, приготовленному на пару. Когда Ной предложил всем выпить чаю, я вновь любопытствовала, почему все-таки наши семьи не общались.

Хозяева дома уже во второй раз странно переглянулись.